
ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Песня датских женщин	9
Пролог. О том, как безбородые люди появились в Скандии во времена короля Харальда Синезубого	10
Часть первая. Долгое путешествие	
Глава 1. О тане Тосте и его домочадцах	13
Глава 2. Об экспедиции Крока и о том, как Орм отправился в свое первое путешествие	21
Глава 3. О том, как они поплыли на Юг, и о том, как они нашли себе хорошего проводника	28
Глава 4. О том, как люди Крока пришли в королевство Рамиро и как они нанесли успешный визит	38
Глава 5. О том, как удача Крока изменилась дважды и как Орм стал левшой	52
Глава 6. О еврее Соломоне и леди Субайде и о том, как Орм получил свой меч Синий Язык	65
Глава 7. О том, как Орм служил Аль-Мансуру и как он поплыл с колоколом Сент-Джеймса	81
Глава 8. О том, как Орм жил среди монахов святого Финниана, и о том, как великое чудо произошло в Йелинге	98
Глава 9. О том, как король Харальд Синезубый праздновал Святки	114
Глава 10. О том, как Орм потерял свою цепь	142
Глава 11. О том, как гневался брат Виллибальд, и о том, как Орм пытался свататься	151
Глава 12. О том, как Орм вернулся домой из своего долгого путешествия	159
Часть вторая. В королевстве короля Этельреда	
Глава 1. О битве при Мальдоне и о том, что произошло после нее	172
Глава 2. О духовном	194
Глава 3. О браке, крещении и серебре короля Этельреда	210
Глава 4. О том, как брат Виллибальд учил короля Свена сентенции из Священного Писания	226

Часть третья. В пограничной стране

Глава 1. О том, как Орм построил свой дом и церковь, и о том, как назвали его рыжеволосых дочерей	231
Глава 2. О том, как готовили крещение внука короля Харальда	238
Глава 3. О незнакомцах, пришедших с солью, и о том, как король Свен потерял голову	243
Глава 4. О том, как Орм проповедовал торговцу солью	249
Глава 5. О великом празднике Крещения и о том, как были крещены первые смаландцы	255
Глава 6. О четверых странных нищих и о том, как ирландские Мастера пришли на помощь отцу Виллибальду	265
Глава 7. О короле Швеции Меченосце и о магистре из Аахена и его грехах	277
Глава 8. О втором грехе грешного магистра и о наказании, которому он был подвергнут за него	290
Глава 9. О том, как магистр искал телок и сидел на вишневом дереве	296
Глава 10. О том, что делали женщины у Кракского Камня, и о том, как забубрилось лезвие Синего Языка	306
Глава 11. О Токе, сыне Серой Чайки и о несчастье, постигшем его, и об обманном даре, полученном Ормом от финнведингов	318
Глава 12. О Тинге у Иракского Камня	327

Часть четвертая. Болгарское золото

Глава 1. О конце света и о том, как выросли дети Орма	356
Глава 2. О человеке с Востока	367
Глава 3. История Болгарского золота	374
Глава 4. О том, как они задумали получить золото	390
Глава 5. О том, как они поплыли в Готланд-Ви	396
Глава 6. О том, как они плыли к Днепру	408
Глава 7. О том, что произошло у порогов	421
Глава 8. О том, как Орм встретил старого друга	432
Глава 9. О том, как они плыли домой, и о том, как Олоф Синица поклялся стать христианином	445
Глава 10. О том, как они рассчитались с сумасшедшим магистром	453
Глава 11. О погоне с собаками	460

ПРЕДИСЛОВИЕ

Действие романа «Рыжий Орм. Путь викинга» охватывает приблизительно годы с 980 по 1010 нашей эры. В то время южные области Швеции принадлежали Дании, поэтому Орм, хотя он родился и вырос в Скании, считает себя датчанином.

Викинги совершали набеги в страны Северной и Западной Европы более или менее постоянно в период свыше двухсот лет, с конца восьмого столетия до начала одиннадцатого. Большинство набегов на Западную Европу было совершено датчанами и норвежцами, поскольку шведы рассматривали в качестве сферы своего влияния Балтику и в конце девятого столетия образовали в России королевство, которое просуществовало три с половиной века, до монгольского нашествия. Сначала излюбленным местом охоты викингов на Западе была Ирландия; только с 838 года, спустя сорок лет после первых набегов на Ирландию, они стали совершать крупномасштабные набеги и на Англию. Однако в течение последовавших за этим шестидесяти лет они — особенно великий Рагнар Волосатый и его грозные сыновья — жестоко грабили Англию до тех пор, пока Альфред не оказал им сопротивления и не вынудил их прийти к согласию. После этого, с 396 по 979 год, Англия имела восьмидесятилетнюю передышку. Во Франции скандинавов боялись так сильно, что в 911 году Карл Простой уступил им часть своего королевства; эта часть королевства стала известной под названием Нормандия, земля людей с Севера. Викингами была заселена Исландия в 860 году и Гренландия в 986 году. В следующем году корабль викингов, направлявшийся в Гренландию, сбился с курса и достиг Америки, которую, из-за вкусного винограда, найденного ими там, эти люди называли «Страной доброго вина». В течение последующих двадцати лет еще несколько кораблей викингов ходили в Америку.

Битва при Йорундфьорде, или Хьорунгавагская битва, которая часто упоминается в этой книге, была одним из наиболее знаменитых сражений, произошедших в Северной Европе в эпоху викингов. В этой битве норвежцы сражались против

йомсвикингов. Йомсвикинги (по словам профессора С. Турвилль-Петре) представляли собой «закрытое общество викингов, живших в соответствии со своими собственными законами и обычаями. Никто из них не мог быть моложе восемнадцати и старше пятидесяти лет, им не разрешалось ссориться друг с другом, и каждый из них должен был мстить за другого как за своего брата». В их крепость Йомсборг не допускалась ни одна женщина; эта крепость располагалась на Южном берегу Балтийского моря, вероятно, на месте нынешнего города Свинемюнде. Согласно исландским источникам, отец Канута, король Свен Вилобородый, пригласил йомсвикингов на пир. Пока пиво лилось рекой, король Свен дал клятву вторгнуться в Англию и убить Этельреда Неповоротливого или отправить его в ссылку. Предводитель йомсвикингов Сигвальд поклялся, в свою очередь, отправиться в Норвегию и убить мятежного ярла Хаакона или сослать его. Все другие йомсвикинги, включая двух вождей из Скании, Бу Дигре и Вагна Акессона, поклялись следовать за ним. Они отправились в Норвегию на шестидесяти кораблях, но Хаакон прознал об их приближении и, когда они наконец повернули к Йорундфьорду, то обнаружили, что он ожидает их во главе флота, состоящего не менее чем из ста восьмидесяти кораблей. Вначале, несмотря на такое численное превосходство противника, казалось, что йомсвикинги должны победить; однако погода не благоприятствовала им, и после ожесточенной схватки они были разгромлены и перебиты почти все до единого.

Это произошло в 989 году. Весной же следующего года в Швеции состоялось еще одно важное сражение, на Фириской равнине близ города Уппсала, когда страшный Стирбьорн, сосланный племянник короля Эрика Шведского, попытался завоевать королевство своего дяди, но был убит шальным копьем в самом начале сражения. С отголосков этих двух сражений и начинается роман «Рыжий Орм. Путь викинга».

ПЕСНЯ ДАТСКИХ ЖЕНЩИН

Кто та женщина, которую ты покинул,
Ты покинул свой дом, и очаг,
Для того, чтобы уйти с седой старухой, создательницей вдов?

У нее нет дома, в котором можно уложить гостей,
Только одна холодная постель на всех,
Где гнездятся бледное солнце и заблудшие ледяные горы.

У нее нет сильных белых рук, чтобы обнимать тебя,
Но у нее множество цепких водорослей, чтобы держать тебя
На тех камнях, куда тебя прибило приливом.

Но когда приблизится лето,
И растает лед и почки набухнут на березах,
Ты покинешь нашу сторону и заболеешь.

Заболеешь вновь криком и резней,
Ускользнешь поближе к плеску волн,
Где ладья твоя стоит всю зиму.

Ты забудешь наше веселье и застольные беседы,
И корову в стойле и лошадь на конюшне —
Для того, чтобы стать на ее стороне.

А потом поплывешь ты туда, где бушуют шторма,
И удаляющийся звук твоих весел, ударяющих об воду,
Будет единственным, что останется нам на долгие месяцы.

Так кто же та женщина, которую ты покинул,
Как покинул свой дом и очаг,
Для того, чтобы уйти с седой старухой, создательницей вдов?

Редьярд Киплинг

Пролог.
О том, как безбородые люди появились в Скандии
во времена короля Харальда Синезубого

Много людей отправилось на Север из Скании вместе с Бу и Вагном и погибло в битве при Йорундфьорде; другие пошли со Стирбьорном на Уппсалу и вместе с ним там нашли свою смерть. Когда их родных мест достигли вести о том, что немногие из них вернутся домой, о них пропели поминальные песни, и в память о них были установлены мемориальные камни, после этого все разумные люди пришли к мнению, что то, что случилось, было к лучшему, поскольку сейчас они могли надеяться на более мирную жизнь, чем раньше, на то, что меньше станут делить землю при помощи меча и боевого топора. Наступило время изобилия, с богатыми урожаями ржи и хорошими уловами сельди, большинство людей было очень довольно своей жизнью; но были и такие, кому казалось, что урожая надо слишком долго ждать, они отправились викингами в Ирландию и Англию, где фортуна была на стороне их оружия, и многие из них остались там навсегда.

Примерно в это же время в Скании стали появляться безбородые люди, они приезжали из земли Саксов и из Англии, чтобы проповедовать христианскую веру. С собой у них было много дощечек со странными записями, которые они читали людям, и люди поначалу с любопытством и охотой слушали их, а Женщины находили приятным, когда эти чужестранцы крестили их и дарили им белые сорочки. Однако вскоре сорочки у чужестранцев стали кончаться, а людям надоели их проповеди, они казались им скучными, а их содержание — сомнительным; кроме этого, чужестранцы говорили на грубо звучащем диалекте, которому они научились в Хедеби или на Западных островах, что придавало их речи налет туповатости.

Так что число новообращенных сократилось, а безбородых, которые бесконечно призывали к миру, но чрезвычайно гневно обличали богов, одного за другим похватывали набожные люди, перевешали на священных деревьях, постреляли стрелами и отдали в качестве пищи птицам Одина. Оставшие-

ся в живых двинулись на Север, в леса Гоингса, где люди менее рьяно относились к религии; им оказали теплый прием, затем связали и отвели на рынки Смаланда, где обменяли на быков и бобровые шкуры. Некоторые из них, оказавшись среди жителей Смаланда, отпустили волосы, отказались от своего бога Иговы и стали верой и правдой служить своим хозяевам; но большинство продолжали обличать богов и занимались тем, что крестили женщин и детей вместо того, чтобы дробить камни и молоть зерно, и вскоре так всем надоели, что для жителей Гоингса стало уже невозможным, как раньше, выменивать упряжку быков-трехлеток на одного физически крепкого проповедника, не добавив к нему еще меру соли или чего-нибудь из одежды. Поэтому в пограничной стране также ухудшилось отношение к безбородым.

Однажды летом по всему Датскому королевству прошел слух, что король Харальд Синезубый принял новую религию. Во времена своей молодости он уже однажды пробовал делать это, но вскоре пожалел о своем решении и отрекся; однако на этот раз он принял такое решение всерьез. Дело в том, что король Харальд к тому времени стал уже стариком, и в течение нескольких лет его мучили страшные боли в спине, так что он уже почти не получал удовольствия от пива и женщин; но мудрые епископы, посланные самим императором, втирали в него медвежий жир, благословляли и осеяли именами святых апостолов, завернули его в овечьи шкуры, вместо пива заставили пить святую воду, настоянную на травах, нарисовали ему крест на груди и изгнали из него множество дьяволов, пока наконец все боли и недомогания не отпустили его; так король стал христианином.

После этого святые отцы уверили его, что он подвергнется еще большим страданиям, если когда-либо вновь принесет жертву богам или каким-либо образом проявит себя как не слишком ревностного приверженца новой религии. Поэтому король Харальд (как только он вновь стал активен и обнаружил, что опять способен выполнять свои обязанности по отношению к молоденькой рабыне из Марокко, которую Олоф Драгоценный камень, король Коркский, прислал ему в подарок в качестве жеста доброй воли) официально объявил, что все его подданные должны безотлагательно креститься; и хотя такой приказ звучал довольно странно из уст человека, который сам происходил от Одина, тем не менее многие выполнили это указание, так как король правил долго и привел страну к процветанию, и его слово много значило в этой стране.

Он назначил особо суровые наказания для тех, кто будет признан виновным в совершении какого-либо насилия по отношению к священникам, поэтому количество священнослужителей в Скании стало быстро умножаться, на равнинах выросли здания церквей, а к старым богам больше не обращались, кроме тех случаев, когда опасность подстерегала в море или когда начинался падеж скота.

В Гоингсе, однако, королевский указ вызвал большое веселье. Жителей приграничных лесов природа наградила более развитым чувством юмора, чем трезвомыслящих обитателей равнины, и ничто не могло заставить их так смеяться, как этот королевский указ. Потому что в этой приграничной стране власть очень немногих людей простиралась за пределы досягаемости их правой руки, а от Йелинге до Гоингса был слишком длинный путь для того, чтобы его могли пройти даже самые могущественные из королей. В древние времена, во времена Харальда Хильдетанда и Ивара Широкоплечего и даже еще раньше, короли любили приезжать в Гоингс для охоты на диких быков в огромных тамошних лесах, но редко по какому-либо другому поводу. Но с тех пор дикие быки вымерли, и визиты королей прекратились, поэтому сейчас, если какой-нибудь король был достаточно смел для того, чтобы жаловаться на непокорность местных жителей или на то, что они платят ему недостаточные большие налоги, и угрожал прийти туда сам и навести порядок, ему посылался ответ, в котором говорилось, что, к сожалению, диких быков сейчас что-то не видно, но как только они появятся, короля тотчас же проинформируют об этом и приготовят ему королевский прием. Соответственно, среди жителей приграничной страны Долго ходила поговорка, что в их стране не увидишь ни одного короля до тех пор, пока не возвратятся Дикие быки.

Так что в Гоингсе все осталось по-прежнему, и христианство там не имело успеха. Тех же священников, которые все же рисковали проникать туда, продавали за границу, как в старое время; хотя некоторые из местных жителей придерживались того мнения, что лучше убивать их на месте и начать добрую войну против этих скряг из Суннербо и Алльбо, потому что в то время жители Смаланда давали уже такие низкие цены за священнослужителей, что вряд ли стоило трудиться отводить их на рынок.

Часть первая Долгое путешествие

Глава 1. О тане Тосте и его домочадцах

Вдоль побережья люди жили вместе друг с другом в деревнях частично для того, чтобы быть более уверенными в том, что они смогут прокормиться и не зависеть от собственной удачи и своего улова, а отчасти для того, чтобы быть в большей безопасности, поскольку корабли, проплывавшие мимо Сканского полуострова, часто посылали отряды грабителей на берег, чтобы бесплатно пополнить свои запасы свежего мяса, необходимые для дальнейшего путешествия на Запад, а также зимой, чтобы захватить добычу, если они возвращались с пустыми руками после неудачных набегов. По ночам, если считалось, что высадились грабители, трубили в рог, чтобы соседи могли прийти на помощь к подвергшимся нападению; те же, кто оставался дома в большой деревне, иногда даже захватывали один-два корабля для себя у тех чужестранцев, которые были недостаточно осторожны, так что у них было чем похвастаться, когда в деревню возвращались местные жители, уходившие в набеги.

Те же люди, которые были богатыми и гордыми и имели свои собственные корабли, зачастую находили для себя неудобным иметь соседей рядом со своим порогом и предпочитали жить отдельно, поскольку даже в то время, когда они были в море, их дома защищали храбрые воины, которым они платили за то, чтобы те жили в их домах и охраняли их. В районе Мунда проживало много таких богатых хозяев, и богатые таны этой местности имели репутацию самых гордых во всем Датском королевстве. Будучи дома, они с готовностью затевали ссоры друг с другом, хотя их усадьбы располагались на достаточном расстоянии друг от друга; но дома они бывали редко, потому что с детства были приучены смотреть в сторону моря и рассматривать его в качестве своего частного пастбища, где каждому, кого они обнаруживали преступившим границы своих владений, приходилось держать ответ за это.

В том краю проживал один тан по имени Тосте, достойный человек и хороший моряк, который, несмотря на то, что ему было уже немало лет, все еще управлял своим судном и каждое лето отправлялся к чужеземным берегам. У него были родичи в Лимерике в Ирландии среди викингов, которые поселились там, и он каждый год плавал на Запад, чтобы торговать с ними и помогать их вождю, потомку Рагнара Волосатого, собирать дань с ирландцев и с их монастырей и церковей. В последнее время, однако, дела у викингов в Ирландии шли не так хорошо, с тех пор, как Муиркьяртах Кожаный Плащ, король Коннута, проплыл вокруг острова, повернув свой щит в сторону моря, что было знаком неповиновения. Потому что теперь местные жители защищались лучше, чем раньше, и следовали за своими королями с большей охотой, так что взимать с них дань стало довольно трудным делом; и даже церкви и монастыри, которые раньше были легкой добычей, теперь построили высокие каменные башни, в которых запирались священнослужители и из которых их нельзя было достать ни при помощи огня, ни силой оружия. В свете всего этого многие спутники Тосте придерживались сейчас того мнения, что было бы намного выгоднее пойти викингами в Англию или Францию, где дела шли хорошо и где можно было взять больше, затратив меньше сил. Но Тосте предпочитал делать то, что он привык делать, считая себя слишком старым для того, чтобы начинать экспедиции в страны, в которых он, возможно, не будет чувствовать себя столь же непринужденно.

Его жену звали Аза. Она происходила из страны приграничных лесов и обладала длинным языком и, к тому же, довольно сварливым характером, так что иногда можно было слышать, как Тосте говорил, что на ее примере он не может убедиться в том, что время сглаживает характер, как об этом говорят. Но она была умелой хозяйкой и хорошо приглядывала за фермой в отсутствие Тосте. Она родила ему пятерых сыновей и трех дочерей, но их сыновья были не слишком удачливы. Самый старший из них погиб на свадьбе, когда, захмелев от пива, попытался доказать, что сможет проехать на спине у быка; второго сына смыло волной за борт во время его первого путешествия. Но наименее удачливым из всех был их четвертый сын, которого звали Аре. Однажды летом, когда ему было девятнадцать лет, жены двух его соседей забеременели от него в то время, как их мужья находились в плавании, что привело к большим неприятностям и заставило Тосте понести большие расходы, когда мужья вернулись домой. Это угнетало Аре и смущало его; а потом он убил одного человека, ко-

торый слишком долго подшучивал над его проворством, и ему пришлось бежать из страны. Ходили слухи, что он нанялся к шведским купцам и плывал с ними на Восток, специально, чтобы не встречать больше тех, кто знал о его неудаче, но с тех пор о нем ничего не было слышно. Однако Азе во сне приснилась черная лошадь с окровавленными боками, поэтому она знала, что он мертв.

После этого у Азы и Тосте осталось только двое сыновей. Старшего из них звали Одд. Это был низкорослый, неказистый и кривоногий юноша, но сильный, с мозолистыми руками и спокойным характером; вскоре он стал сопровождать Тосте в его путешествиях и показал себя как хорошим моряком, так и упорным бойцом. Дома, однако, его поведение зачастую было не таким хорошим, поскольку долгие зимы казались ему скучными и они с Азой постоянно скандалили. Иногда слышали, как он говорил, что лучше будет есть прогорклую солонину на борту корабля, чем святочный обед у себя дома, на что Аза замечала, что он никогда не брал меньше других с тарелки, которую она перед ними ставила. Он так много дремал в течение дня, что часто жаловался на плохой сон ночью, не помогало, по его словам, даже и то, что он частенько брал с собой в постель одну из девушек-служанок. Азе не нравилось, что он спит с ее служанками, она говорила, что из-за этого они могут слишком много возомнить о себе и будут дерзкими со своей хозяйкой, она считала, что было бы лучше, если бы Одд завел себе жену. Но Одд отвечал, что с этим вовсе не стоит спешить, в любом случае, его вкусам Удовлетворяли только ирландские женщины, а привезти одну из них к себе домой он не мог, потому что, если бы он это сделал, они с Азой вскоре передрались бы как кошка с собакой. Когда он так говорил, Аза очень сердилась, она спрашивала, неужели это ее собственный сын может так обращаться со своей матерью, и выражала желание о своей скорой смерти, на что Одд обычно отвечал, что она может жить, а может и умирать, и что он не будет ей советовать, какое из этих двух состояний выбрать, а со смирением воспримет как то, так и другое.

Хотя он и не был слишком остер на язык, Азе не всегда удавалось оставить последнее слово за собой, и она частенько говорила о том, как ей не повезло, что она лишилась троих хороших сыновей и осталась именно с тем сыном, без которого легче всего смогла бы обойтись.

Одд успешнее ладил со своим отцом, и как только наступала весна, и запах дегтя начинал носиться в воздухе между на-

весом, под которым стояли корабли, и пристанью, настроение его улучшалось, и иногда он даже пытался, хотя у него и не было к этому особых талантов, сочинить стишок-другой — о том, что гагачьи луга поспели для пахоты, или о том, как морские кони скоро понесут его к солнечному берегу.

Но он так и не стал знаменитым бардом, и меньше всего — среди тех дочерей соседних танов, которые были в брачном возрасте; редко можно было увидеть, чтобы он обернулся назад, отплывая от родных берегов.

Его брат был самым младшим из всех детей Тосте и любимцем матери. Звали его Орм. Он быстро подрастал, становясь длинным и костлявым, огорчая Азу своей худобой; всякий раз, когда ему не удавалось съесть намного больше, чем любому из взрослых, она начинала думать, что скоро потеряет его, и часто говорила, что его плохой аппетит несомненно станет причиной его гибели. Орм вообще-то любил поесть и не возражал против беспокойства матери относительно его аппетита, но Тосте и Одд иногда протестовали' против того, что она оставляла для него все самые лакомые кусочки. В детстве Орм болел пару раз, с тех пор Аза была уверена в том, что у него слабое здоровье, поэтому она постоянно суетилась вокруг него и приставала с заботливыми предостережениями, уверяя его, что у него опасные судороги и что ему просто необходимы священные луковицы, магические заклинания и прикладывания тарелок с горячей глиной, хотя на самом деле вся беда заключалась в том, что он просто-напросто переел пшеничной каши со свиной.

По мере того, как он подрастал, тревога Азы все увеличивалась. Она надеялась, что со временем он станет знаменитым человеком и вождем клана, она делилась с Тосте своей радостью по поводу того, что он становился крупным, сильным парнем, рассудительным человеком, во всех отношениях достойным потомком своих предков по материнской линии. Она, однако, очень боялась всех тех опасностей, которые могут его подстергать на большой дороге мужественности, и часто напоминала ему о тех несчастьях, которые постигли его братьев, заставляя его обещать ей всегда остерегаться быков, быть осторожным на борту корабля и никогда не ложиться в постель с чужими женами. Но помимо всех этих опасностей было еще так много всего, что могло его погубить, что она даже была в затруднении, что же еще ему посоветовать. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, и уже можно было отправляться в плавание с другими, Аза запретила ему делать это, на

том основании, что он еще слишком молод и у него слабое здоровье, а когда Тосте спросил ее, не хочет ли она воспитать сына вождем кухни и героем старых женщин, она пришла в такую ярость, что Тосте сам испугался и позволил ей поступать по-своему, радуясь, что хоть ему самому разрешили отъезд, и надо сказать, что с отъездом он не задержался.

В ту осень Тосте и Одд поздно возвратились из своего путешествия, они потеряли так много своих людей, что им едва хватило гребцов на веслах, тем не менее, они были чрезвычайно довольны результатами своей экспедиции, и им было, что рассказать. В Лимерике им не очень повезло, потому что ирландские короли в Мунстере стали к этому времени настолько могущественны, что викинги, жившие там, заботились только о том, как бы сохранить то, что у них уже имелось. Но потом друзья Тосте (который поставил свой корабль на якорь неподалеку от берега) спросили его, не желает ли он вместе с ними тайно посетить большую летнюю ярмарку, которая проводилась каждый год в Мерионете в Уэльсе, в области, в которую ранее викинги не проникали, но куда можно было попасть при помощи двух опытных проводников, которых нашли друзья Тосте. Поскольку их спутники отнеслись к этому предложению с энтузиазмом, Одд уговорил Тосте согласиться, так что они высадились на семи кораблях близ Мерионета и после трудной дороги вглубь острова смогли неожиданно для местных жителей оказаться на ярмарке. Состоялось большое побоище, и очень многие погибли, но в итоге викинги победили и захватили богатую добычу и много пленных. Последних они продали в Корке, для чего специально заехали туда, поскольку по давней традиции в Корк съезжались работоторговцы со всех уголков мира, чтобы купить пленников, которых привозили туда викинги, и тамошний король Олоф Драгоценный Камень, который был христианином, очень старым и мудрым, сам частенько покупал некоторых понравившихся ему пленников, чтобы впоследствии предоставить их родичам возможность выкупить их, на чем он имел неплохой доход. Из Корка они направились домой в компании с несколькими другими кораблями викингов, на случай встречи с пиратами, поскольку у них уже не было желания больше драться, учитывая их нынешнюю малочисленность и к тому же наличие больших сокровищ на борту. Им удалось незамеченными обогнуть мыс Скоу, где люди Вика и Вестфольда прятались в засадах и нападали на богатые, тяжело нагруженные корабли, возвращавшиеся домой с юга и запада.

После того, как все оставшиеся в живых члены команды получили свою долю добычи, большое количество денег досталось и Тосте, который, после того как взвесил все и запер в свою сокровищницу, объявил о том, что такая экспедиция является вполне подходящей, чтобы на ней и завершить его странствия, и что отныне он остается дома с тем большей охотой, что у него уже начали плохо стигаться конечности. Одд уже вполне способен руководить экспедициями не хуже, чем он, и кроме этого ему будет помогать Орм. Одд счел это хорошей идеей, но Аза придерживалась совершенно другого мнения, заявив, что хотя серебра захвачено и много, но вряд ли можно ожидать, что его хватит надолго, учитывая, сколько ртов ей приходится кормить каждую зиму; и кроме того, как они могут быть уверены в том, что Одд все добытые в будущей экспедиции деньги не потратит на своих ирландок, или вообще, будучи предоставлен самому себе, захочет вернуться домой после набега? Что же касается болей в спине, на которые жалуется Тосте, то ему уже следовало бы знать, что боли эти — не результат его путешествий, а результат тех месяцев, которые он каждую зиму проводит в безделье, сидя у очага, а шести месяцев в год спотыкания об его вытянутые ноги вполне хватает для нее. Она не может понять (продолжала она), во что превращаются нынешние мужчины. Ее собственный дядя, Свен Крысиный Нос, влиятельный человек среди гоингов, геройски погиб в битве со смаландцами через три года после того, как перепил всех собравшихся на свадьбе своего старшего внука, а сейчас можно слышать жалобы на недомогание от мужчин в самом расцвете сил, которые хотели бы, без стыда и совести, умереть, лежа на соломе, как коровы. А вообще-то, заключила она, все это можно решить в надлежащее время, а пока Тосте и Одд и все другие, вернувшиеся с ними, могут утопить все свои заботы в добром пиве, которое придется им весьма по вкусу, а Тосте пусть выбросит эти вздорные идеи из головы и выпьет за то, чтобы в следующем году экспедиция его была бы столь же прибыльна; а потом они все вместе будут наслаждаться приятной зимой, если только никто больше не будет выдумывать подобных глупостей и злить ее, чего, как она надеется, конечно же, не случится.

Когда она покинула их, чтобы заняться приготовлением пива, Одд заметил, что если все предшественницы по женской линии обладали такими же языками, то Свен Крысиный Нос, вероятно, выбрал смерть от руки смаландцев как меньшее зло. Тосте усомнился, заявив, что до некоторой степени он согла-

сен с ним, но что она во многих отношениях является хорошей женой, и не надо, наверное, злить ее без особой надобности, а Одд должен стараться изо всех сил не сердить ее.

В ту зиму все они заметили, что Аза выполняет свои обязанности по хозяйству с меньшим рвением и суетой, а язык ее уже не так проворен, как раньше. Она более обычного проявляла заботу по отношению к Орму, а иногда стояла и смотрела на него, как будто бы размышляя над увиденным. Орм к этому времени вырос уже совсем большим и мог по силе соперничать с любым парнем своего возраста, а также и со многими старшими ребятами. Он был рыжеволос, у него была белая кожа, широко поставленные глаза, курносый нос и широкий рот, длинные руки и округлые плечи. Он был быстр и проворен и точнее большинства других парней бросал копье и стрелял из лука. Он не терпел насмешек над собой и в гневе бросался на любого, кто разозлит его, так что даже Одд, который раньше с Удовольствием дразнил его, доводя до белого каления, сейчас стал относиться к нему с осторожностью, поскольку сила Орма делала его опасным противником. Но в общем и целом, кроме тех случаев, когда он сердился, он был спокойным и послушным, всегда готовым выполнить то, о чем попросит его Аза, хотя иногда он и ссорился с ней, когда ее суета его раздражала.

Тосте теперь дал ему настоящее мужское оружие — меч, широкий топор и добрый шлем — а Орм сам себе сделал щит, но он столкнулся с трудностями в приобретении кольчуги, потому что во всей округе не было никого одного с ним размера, а хороших мастеров в то время в стране осталось мало, так как большинство из них подались в Англию или в Ярл на Роне, где их труд лучше оплачивался. Тосте сказал, что пока Орм может обойтись и кожаной туникой, до того времени, когда он сможет достать себе в Ирландии хорошую кольчугу, потому что там доспехи погибших воинов всегда можно дешево купить в любом порту.

Они однажды все вместе сидели за столом и разговаривали на эти темы, когда неожиданно Аза закрыла лицо руками и разрыдалась. Все сразу замолчали и уставились на нее, поскольку слезы у нее на глазах можно было видеть не часто, а Одд спросил ее, не разболелись ли у нее зубы. Аза вытерла слезы и повернулась лицом к Тосте. Она сказала, что все эти разговоры об оружии погибших кажутся ей плохим предзнаменованием, и что она уже уверена в том, что несчастье постигнет Орма, как только он отправится вместе с ними в море,

поскольку уже три раза она видела его во сне лежащим окровавленным на корабельной скамье, а всем известно, что ее сны обычно сбываются. Она стала умолять Тосте прислушаться к ее искренней молитве и не подвергать жизнь их сына ненужной опасности, а разрешить ему остаться дома вместе с ней еще на одно лето, потому что она уверена, что опасность подстерегает его уже в самом ближайшем будущем, и что если он сможет избежать этой непосредственной опасности, то в дальнейшем риск будет уже значительно меньше.

Орм спросил ее, не видела ли она в своих снах, в какую именно часть тела он будет ранен. Аза ответила, что каждый раз, когда ей снится этот сон, вид его лежащего окровавленного тела заставляет ее просыпаться в холодном поту, но она видела, что волосы у него в крови и лицо очень бледное, и это зрелище очень расстраивает ее, с каждым разом все больше и больше, хотя раньше она и не хотела говорить им об этом.

Тосте некоторое время сидел молча, обдумывая сказанное ею, потом заметил, что сам он мало чего знает о снах и никогда не уделяет им большого внимания.

— Но если ты, Аза, видела один и тот же сон трижды, — сказал он, — значит, это может быть предупреждение всем нам; и, по правде говоря, мы с тобой уже внесли свою долю потерянных сыновей. Поэтому я не буду противиться твоей воле в этом вопросе, и Орм этим летом останется дома, если он и сам этого хочет. Что же касается меня, то я начинаю думать, что не буду возражать против того, чтобы еще разок сплавить на Запад. Так что, в конце концов, твое предложение может действительно оказаться наилучшим решением для всех нас.

Одд согласился с Тосте, так как он уже несколько раз замечал, что сны Азы сбываются с точностью. Орм не слишком обрадовался их решению, но он привык слушаться Азу во всех важных вопросах, поэтому больше ничего сказано не было.

Когда наступила весна, и было нанято достаточно людей, чтобы заполнить вакансии в команде их корабля, Тосте и Одд отплыли как обычно, а Орм остался дома. Он немного дулся на мать и иногда притворялся больным, чтобы поугадать ее, но как только она начинала суетиться вокруг него и пичкать его лекарствами, он обычно и впрямь начинал верить, что заболел, так что он получал мало удовольствия от этой игры. Аза все никак не могла забыть того своего сна, и несмотря на все беспокойство, которое сын ей причинял, ей все равно было радостно, что он, живой и невредимый, находится рядом с ней дома.

Тем не менее, несмотря на волю своей матери, он все-таки отправился тем летом в свое первое путешествие.

Глава 2. Об экспедиции Крока и о том, как Орм отправился в свое первое путешествие

На сороковом году правления короля Харальда Синезубого, шесть лет спустя после экспедиции йом-свикингов в Норвегию, три корабля, оснащенные новыми парусами, с командами, состоявшими из смелых моряков, отплыли из Листерланда и направились на Юг, чтобы совершить набег на страну Вендов. Предводительствовал ими вождь по имени Крок. Это был темноволосый человек, высокий, ловкий и очень сильный. Он пользовался большой известностью в той части страны, где он жил, поскольку обладал талантом разрабатывать дерзкие планы и любил высмеивать тех, чьи предприятия потерпели неудачу, рассказывая им, что бы он сделал, если бы был на их месте. Вообще-то он сам не достиг еще ничего значительного, поскольку предпочитал рассказывать о подвигах, которые он намерен совершить в самом ближайшем будущем, но в конце концов он так раззадорил своими разговорами молодых парней своей округи и так возбудил их рассказами о богатой добыче, которую храбрые воины смогут завоевать в ходе должным образом проведенной экспедиции против вендов, что они собрались все вместе, приготовили корабли и выбрали его своим предводителем. В Вендланде, говорил он им, очень много сокровищ, кроме всего прочего, можно не сомневаться в большом количестве серебра, янтаря и рабов.

Крок и его люди достигли Вендского побережья и обнаружили устье реки, по которой они и поплыли, наперекор сильному течению, пока не увидели деревянную крепость, возле которой по дну реки были вбиты сваи, перегораживающие реку. Здесь они высадились на берег в час предрассветных сумерек и напали на вендов, проникнув поначалу через их кольцо внешней обороны. Но в крепости было много защитников, они стреляли в них из луков довольно метко, а люди Крока устали от тяжелого плавания вверх по течению, так что сражение было упорным, но в конце концов венды все же были обращены в бегство. В ходе сражения Крок потерял много добрых воинов, а когда стали осматривать добычу, то обнаружили, что вся она состояла из нескольких железных котелков и нескольких шуб из овечьих шкур. Они поплыли вниз по реке и попытались напасть на другую деревню, которая находилась западнее, но она также была хорошо защищена, и после еще одной ожесточенной схватки, в которой они также

понесли потери, им досталось несколько свиных окороков, рваная кольчуга и ожерелье, состоявшее из маленьких, потертых серебряных монет.

Они похоронили своих убитых на берегу и провели совет, на котором Кроку было довольно трудно объяснить им, почему экспедиция проходит не так, как он им обещал. Но ему удалось успокоить их при помощи тщательно подбираемых слов, напомнив им, что никто не застрахован от неудачи или стечения обстоятельств, и что ни один настоящий викинг не позволит себе унывать из-за небольшого невезения. Венды, объяснил он, становятся сильными противниками, но у него имеется хороший план, при помощи которого они, несомненно, добьются успеха. План этот состоял в том, чтобы напасть на Борнхольм, поскольку всем им было хорошо известно о богатстве жителей этого острова, а защищен остров будет плохо, так как многие воины недавно отбыли в Англию. Высадка на остров не встретит значительного сопротивления и непременно принесет им большую добычу в виде золота, парчи и дорогого оружия.

Им понравились эти слова, и они вновь воспрянули духом. Затем они подняли паруса и направились к Борнхольму, которого и достигли через несколько дней ранним утром. Они гребли вдоль восточного побережья острова. Море было спокойным, от воды поднимался легкий туман. Они искали подходящее для высадки место, энергично и согласованно гребя веслами, настроение у них было очень хорошим; однако они соблюдали тишину, поскольку надеялись, что им удастся высадиться незамеченными. Неожиданно они услышали впереди себя звон уключин и плеск ровно опускающихся весел, и из тумана появилась одна длинная ладья, приближавшаяся к ним из-за мыса. Она направлялась в их сторону, не замедляя своего хода, и они все уставились на нее, такая она была большая и красивая, с красной головой дракона на носу и с двадцатью четырьмя парами весел; они были рады тому, что она была только одна. Крок приказал всем своим людям, которые не были заняты на веслах, взять оружие и приготовиться к abordажу, поскольку было очевидно, что здесь будет чем поживиться. Но одинокий корабль направлялся прямо на них, как будто их рулевой не замечал их присутствия, а крепко сбитый человек, стоявший на носу, с широкой бородой, видневшейся из-под шлема, когда они приблизились, приложил руки ко рту и прокричал хриплым голосом:

— Прочь с дороги, если не хотите драться! Крок засмеялся, и его люди засмеялись вместе с ним. Он прокричал в ответ:

— Ты когда-нибудь видел, чтобы три корабля уступали дорогу одному?

— Да, и даже больше, чем три, — нетерпеливо прогрохотал здоровяк, — потому что все уступают дорогу Стирбьорну. Выбирайте быстрее. Уступайте дорогу или деритесь!

Когда Крок услышал слова толстяка, то не ответил ему, а молча отвернул свой корабль в сторону, а его люди перестали грести, пока длинный корабль не проплыл мимо, ни один из них также не обнажил свой меч. Они увидели высокого молодого человека в синем плаще, со светлым пушком, обрамлявшим челюсти. Он встал со своей скамьи, стоявшей рядом с рулевым, и стоял, оглядывая их сонным взглядом, держа в руке копьё. Он широко зевнул, положил копьё и сам снова лег отдыхать. Крок и его люди поняли, что это и есть Бьорн Олофссон, в простонародии звавшийся Стирбьорном, опальный племянник короля Упсалы Эрика, который редко когда прятался от бури и никогда — от драки и с которым мало кто хотел повстречаться в море. Его корабль проследовал своим курсом, ровно взмахивая, веслами, и скрылся в тумане в южном направлении. Но Кроку и его людям уже трудно было вновь обрести свое прежнее хорошее настроение.

Они гребли к восточным шхерам, вблизи которых не было поселений, вскоре высадились на берег, приготовили поесть и стали держать долгий совет. Многие из них думали, что лучше всего было бы вернуться домой, видя, что неудачи преследуют их даже на Борнхольме. Потому что, раз Стирбьорн был в здешних водах, значит остров несомненно кишит йомсвикингами, а в таком случае для других грабителей уже мало что осталось. Некоторые говорили, что бесполезно выходить в море с предводителем, уступающим дорогу одинокому кораблю.

Крок поначалу был не так красноречив, как обычно, но он распорядился, чтобы на берег было доставлено пиво для всех членов команды, и после того, как все выпили, обратился к ним с воодушевляющей речью. В каком-то смысле, признавал он, действительно можно рассматривать как неудачу то, что они столкнулись со Стирбьорном таким образом, но надо посмотреть на это и с другой стороны и тогда станет ясно, что им крайне повезло, что они увидели его именно сейчас, потому что, если бы они высадились на берег и уже там встретили бы Стирбьорна или других йомсвикингов, то им пришлось бы дорого заплатить за это. Все йомсвикинги, и особенно люди Стирбьорна, были неистовыми бойцами, иногда не поддающимися даже железу, способными драться обеими руками, по-

добно лучшим воинам из Листеры. То, что он не захотел отдавать приказ о нападении на корабль Стирбьорна, могло, на первый взгляд, показаться странным непосвященному человеку; тем не менее, он считает свой отказ отдать такое приказание полностью оправданным и уверен, что им повезло, что он сумел принять решение столь быстро. Потому что бездомный и опальный пират вряд ли мог иметь на корабле достаточно сокровищ, чтобы из-за них стоило затевать кровавую драку. Крок напомнил им, что они вышли в море не ради голы славы, но ради большой добычи. В свете всего этого он считает, что надо рассматривать вопрос об общей пользе, а не о его репутации воина, и что если они хорошенько подумают, то он уверен, что они согласятся, что в данной ситуации его действия были достойны вождя.

По мере того, как он столь хитрым образом сумел рассеять туман недовольства, проникший в души его людей, Крок почувствовал, что отвага вновь возвращается к нему и стал энергично отговаривать их от мысли вернуться домой. Ведь люди в Листеры, говорил он, не имеют склонности к милосердию, они, а в особенности женщины, будут задавать неприятные вопросы, касающиеся их подвигов и завоеванных трофеев, а также спросят, почему они вернулись так скоро. Ни один мужчина, заботящийся о своем добром имени, не пожелает подставить себя под стрелы их насмешек, следовательно, предложил он, для них было бы лучше отложить возвращение домой до того, пока они не добудут что-либо достойное. Сейчас самое важное, закончил он, чтобы все они оставались вместе, встречали противника с мужеством и решимостью и определили бы для себя достойную цель, к которой и стали бы стремиться. В связи с этим, до того, как он станет говорить дальше, ему хотелось бы услышать мнение своих мудрых товарищей.

Один из членов команды предложил тогда направиться к землям ливонцев и куров, где можно собрать богатый урожай, но это предложение не получило поддержки, поскольку более опытные члены команды знали, что многочисленные отряды шведов ежегодно посещают те места, и нельзя было рассчитывать на то, что они окажут радушный прием чужакам, появившимся там с теми же целями. Другой человек слышал, что самое большое количество серебра в мире находится на острове Готланд, он предложил попытаться счастья там, но другие его компаньоны, которые знали ситуацию лучше, сказали, что сейчас, с тех пор как готландцы разбогатели, они живут в больших деревнях, которые успешно атаковать можно только при наличии сильной армии.

Потом к ним обратился третий человек, воин по имени Берсе, который умел хорошо говорить и которого все уважали за разумность суждений. Он сказал, что Восточное море становится слишком многолюдным и неблагодарным местом, поскольку слишком многие стали грабить по его берегам и островам, так что даже такие народы как венды научились защищаться. Возвращаться же пустыми домой тоже плохо — тут он придерживается того же мнения, что и Крок — но стоит, по его мнению, подумать о том, не отправиться ли им на Запад. Сам он никогда не путешествовал в те края, но некоторые жители Скании говорили ему, когда он повстречал их на ярмарке летом прошлого года, что были в Англии и Бретани с Токе Гормссоном и Сигвальде Ярлом, и очень хвалили эти страны. На них были золотые кольца и богатые одежды, и, по их словам, некоторые команды викингов ставили свои корабли на якорь в дельтах франкских рек и стояли там месяцами, совершая набеги на внутренние земли этой страны; зачастую этих людей ждали с угощением бургомистры и аббаты, а графские дочери ублажали их в постели. Насколько все это правда, он, конечно, не может сказать, но обычно можно бывает верить примерно половине того, что говорят жители Скании, а эти люди произвели на него впечатление довольно процветающих, потому что они пригласили его, чужака из Блекинге, присоединиться к ним в грандиозной попойке и не делали попыток своровать его вещи, когда он спал, так что их рассказы не могут быть полностью лживыми. Кроме того, все это более или менее подтверждается и сообщениями из других источников. Ну а там, где жители Скании получили богатую добычу, люди из Блекинге должны поживиться по меньшей мере не хуже; следовательно, заключил он, он со своей стороны предлагает направиться в Западные земли, если большинство товарищей с ним согласны.

Многие из них аплодировали его предложению и криками выражали свое согласие, другие же выразили сомнение, достаточно ли у них провианта, для того, чтобы достичь этой цели.

Затем вновь заговорил Крок. Он сказал, что Берсе сделал именно такое предложение, которое он и сам хотел выдвинуть. Берсе говорил о графских дочерях и богатых аббатах, захватив которых они могут получить богатые выкупы. Он также хотел бы добавить, что в Ирландии, как это всем известно, имеется примерно сто шестьдесят королей, некоторые из них значительные, некоторые — нет, но все они владеют большим количеством золота и красивых женщин, а их солдаты сражаются одетыми только в полотняные одежды, так что их, нетрудно

победить. Наиболее сложной частью их путешествия будет проход через Зундский пролив, где на них могут напасть местные жители, но три хорошо укомплектованных корабля, которым не отважился бросить вызов даже сам Стирбьорн, смогут заставить себя уважать и в Зунде. Кроме этого, большинство викингов из тех мест наверняка в это время года уже отправились на Запад, и в любом случае в ближайшие несколько ночей не будет луны. Что же касается продовольствия, то они всегда смогут раздобыть его столько, сколько им понадобится, стоит им только успешно миновать Зундский пролив.

К этому времени к ним уже вернулось их прежнее хорошее настроение. Они согласились, что план хорош, а Крок — умнейший и мудрейший из всех вождей. Они также были горды тем, что совсем почти не выразили беспокойства перед перспективой путешествия в западные земли, куда на их памяти ни один корабль из их мест не предпринимал попытки доплыть.

Они поставили паруса и доплыли до Моэна, где отдохнули один день и одну ночь, внимательно осматриваясь и дожидаясь благоприятного ветра. Затем, в штормовую погоду, они прошли Зундский пролив и к вечеру достигли его горловины, не встретив никаких врагов. Позднее, ночью, они встали на якорь с подветренной стороны острова Мунд и решили сойти на берег в поисках еды. Три отряда тайно высадились на берег, каждый в своем месте. Отряд Крока был удачлив, так как они сразу наткнулись на пастуха, пасущего стадо овец вблизи большого дома, и им удалось убить пастуха и собаку прежде, чем они смогли поднять тревогу. Затем они поймали овец и перерезали глотки столько из них, сколько могли унести с собой. Однако овцы при этом стали громко блеять, поэтому Крок приказал своим людям побыстрее управляться с Работой.

Они возвратились на корабль тем же самым путем, по которому и пришли, идя так быстро, как только могли. Каждый из них нес на плечах по овце. У себя за спиной они услышали голоса людей, которые проснулись в доме, и вскоре послышался громкий лай собак, пущенных по их следу. Затем они услышали, как вдалеке женский голос, стараясь перекричать лай собак и голоса мужчин, воскликнул:

— Подожди! Останься со мной!

Затем женщина несколько раз прокричала:

— Орм!

А потом снова, пронзительно и с отчаянием:

— Подожди!

Людам Крока трудно было быстро передвигаться с грузом на плечах, поскольку тропа была каменистая и крутая, а ночь стояла облачная, и было почти совсем темно. Сам Крок шел последним, одной рукой поддерживая овцу на плечах, а в другой неся топор. Ему хотелось по возможности избежать драки из-за овец, так как не стоило рисковать жизнью и конечностями из-за такой малости, поэтому он подгонял своих людей резкой руганью, когда они спотыкались или замедляли скорость.

Корабль стоял близ плоских камней, его удерживали на отдалении от них при помощи весел. Все было готово к отплытию сразу же по возвращении Крока, поскольку остальные отряды, которые высаживались на берег, к тому времени уже вернулись с пустыми руками. Некоторые из них ждали на берегу, на случай, если Кроку понадобится какая-либо помощь. Они были уже в нескольких шагах от корабля, когда на тропе показались две большие собаки, мчавшиеся прыжками по направлению к ним. Одна из них прыгнула на Крока, но он увернулся и ударил ее топором, другая пролетела мимо него и прыгнула на шедшего прямо перед ним, сбив его с ног и вцепившись зубами в горло. Двое других товарищей поспешили к нему и убили собаку, но когда они и Крок склонились над тем, кого укусила собака, они увидели, что горло его было сильно разорвано, и он быстро истекал кровью.

В то же самое мгновение мимо головы Крока пролетело копьё, и показались два человека, бежавшие вниз по склону к плоским скалам. Они бежали столь быстро, что обогнали всех своих товарищей. Первый из них, с непокрытой головой, без щита, но с коротким мечом в руке, поскользнулся и упал на камни; два копья пролетели над ним и попали в его спутника, который упал на землю. Но человек с непокрытой головой быстро вновь оказался на ногах. Воя, как волк, он бросился на человека, который бежал к нему с поднятым мечом, когда он упал, и уложил его ударом в висок. Затем он прыгнул на Крока, стоявшего сразу же за первым упавшим воином. Все это произошло очень быстро. Он яростно ударил Крока, но Крок все еще нес овцу и успел защититься ею от удара, в то же самое мгновение ударив нападавшего обратной стороной топора прямо в лоб, так что тот упал без чувств. Крок склонился над ним и увидел, что это был всего лишь юноша, рыжеволосый, бледный и курносый. Он ощупал пальцами то место, куда пришелся удар обуха, и нашел, что голова не пробита.

— Я возьму этого теленка с собой, также, как и овцу, — сказал он. — Будет грести вместо того, кого он убил.

После этого они подняли его, отнесли на корабль и бросили под скамью. Затем, когда все взойшли на борт, кроме тех двоих, которые были убиты, корабли отошли от берега, в тот самый момент, когда многочисленная толпа преследователей показалась на берегу. Небо начинало светлеть, и в корабли было брошено несколько копий, но они не причинили вреда. Люди энергично налегли на весла, довольные тем, что сейчас на борту есть свежее мясо. Они уже довольно далеко отошли от берега, когда к людям, стоявшим на берегу, присоединилась женщина в длинной синей сорочке и с растрепанными волосами. Она подбежала к краю скал и простерла руки в сторону кораблей, что-то крича. Ее крик достиг их в виде только слабого звука над водой, но она стояла еще долго после того, как они перестали слышать ее.

Так мудрый Орм, сын Тосте, который стал известен позднее под именем Рыжий Орм или Орм Мореплаватель, отправился в свое первое путешествие.

Глава 3. О том, как они поплыли на Юг, и о том, как они нашли себе хорошего проводника

Люди Крока очень проголодались к тому времени, как они достигли острова Штормов, потому что им пришлось весь путь пройти на веслах. Они пристали к берегу, чтобы собрать дров и приготовить себе хороший обед. Они нашли на берегу только нескольких Рыбаков, которые, ввиду своей бедности, не боялись грабителей. Когда они стали резать овец, то похвалили их упитанность и несомненное богатство весеннего пастбища в Мунде. Они нанизали куски мяса на свои копья и стали поджаривать их на огне. По мере того, как сало начало шипеть, рты их наполнились слюной, поскольку их ноздри давно уже не чувяли такого прекрасного запаха. Многие стали обмениваться рассказами о тех случаях, когда им довелось угощаться столь же вкусной едой, и все были согласны с тем, что путешествие в западные земли началось многообещающе. Потом они стали есть с таким аппетитом, что сок от мяса стекал по их бородам.

К этому времени Орм уже пришел в себя, но все еще чувствовал себя как в тумане, и когда он сошел на берег вместе с остальными, все, что он мог делать, это только стоять на ногах. Он сидел, обхватив голову руками, и не отвечал, когда к нему обращались. Но спустя некоторое время после того, как

его стошнило и он попил воды, он почувствовал себя лучше, и когда почувствовал запах жареного мяса, то поднял голову, как человек, который только что проснулся, и посмотрел на окружающих его людей. Человек, сидевший ближе всех к нему, улыbnулся дружелюбно и отрезал ему кусок мяса.

— Возьми поешь,— сказал он.— Ты в своей жизни ничего вкуснее не пробовал.

— Я знаю качество этого мяса,— ответил Орм.— Ведь я же подготовил его.

Он взял мясо и держал его между пальцев, не начиная есть. Он посмотрел задумчиво вокруг себя, на всех по очереди, затем спросил:

— Где тот, кого я ударил? Он мертв?

— Он мертв,— ответил его сосед.— Но никто здесь не собирается мстить за него, а ты будешь грести вместо него. Его весло находится перед моим, так что мы с тобой станем друзьями. Меня зовут Токе, а тебя?

Орм назвал свое имя и спросил его:

— Тот человек, которого я убил — он был хорошим воином?

— Он был, как ты мог заметить, несколько медлительным в движениях,— ответил Токе,— и с мечом он управлялся не так умело, как я. Но это и не мудрено, поскольку я — один из лучших фехтовальщиков в нашем отряде. Но все-таки он был сильным и крепким бойцом и из хорошей семьи, звали его Але, и отец его сеет двенадцать бушелей ржи, и он уже дважды выходил в море. Если ты можешь грести так же как он, то ты — неплохой гребец.

Когда Орм услышал эти слова, то приободрился и начал есть. Но через несколько минут спросил:

— А кто был тот человек, который сбил меня с ног?

Крок сидел неподалеку от него и слышал вопрос. Он засмеялся и поднял свой топор, затем закончил жевать и сказал:

— Вот эта девочка тебя поцеловала. А если бы укусила, ты бы не спрашивал ее имени.

Орм уставился на Крока округлыми глазами, которые выглядели так, будто бы никогда не моргали, затем сказал со вздохом:

— На мне не было шлема, и я запыхался от долгого бега, в противном случае все могло быть по-другому.

— Ты — самодовольный щенок, сканец,— сказал Крок,— а воображаешь себя солдатом. Но ты молод, и у тебя нет осторожности солдата. Потому что осторожные люди не забывают

шлемов, когда бегут вдогонку за похитителями овец, не забывают, даже если похитили их собственных жен. Но ты похож на человека, которому улыбается фортуна, и может статься, что благодаря тебе она будет благосклонна и ко всем нам. Мы уже три раза видели проявления ее любви к тебе. Во-первых, ты поскользнулся на камнях, когда в тебя летели два копья; во-вторых, Але, которого ты убил, не имел среди нас родственников или близких друзей, которые были бы обязаны отомстить за него, и в-третьих, я не убил тебя потому, что хотел иметь гребца, который заменил бы его. Следовательно, я считаю тебя исключительно везучим человеком, который может всем нам пригодиться, поэтому я тебе сейчас предоставляю свободу, которой пользуются все члены нашего отряда, при условии только, что ты согласишься заменить Але на его весле.

Все подумали, что Крок хорошо сказал. Орм продолжал задумчиво жевать мясо, потом сказал:

— Я принимаю свободу, предложенную тобой, не Думаю, что это будет для меня постыдным, хотя ты и Украл моих овец. Но я не буду грести, как раб, поскольку я из благородного рода, и хотя я и молод, но я показал себя хорошим воином, так как убил Але, а он был хорошим воином. Поэтому я требую, чтобы мне вернули мой меч.

Это вызвало долгое и оживленное обсуждение. Некоторые сочли требование Орма совершенно невыполнимым и заявили, что он должен считать, что ему повезло, потому что ему сохранили жизнь, но другие заметили, что самоуважение — это не слишком большая вина юноши, и что требования тех, кому улыбается фортуна, нельзя так просто игнорировать. Токе засмеялся и сказал, что ему крайне удивительно то, что столько людей, команды целых трех кораблей, могут беспокоиться о том, можно или нет разрешить мальчишке носить его меч. Человек по кличке Теленок, выступавший против удовлетворения просьбы Орма, хотел даже подраться с Токе за его слова, а Токе ответил, что рад будет предоставить ему такую возможность сразу же после того, как закончит есть очень вкусную почку, с которой он как раз сейчас занят. Однако Крок запретил им драться из-за таких пустяков. Закончилось все это тем, что Орм все-таки получил назад свой меч, но ему было сказано, что то, будут ли к нему относиться как к рабу или как к товарищу, будет зависеть от его дальнейшего поведения. Но Орм должен будет заплатить Кроку за свой меч, который был хорошим оружием, сразу же, как только захватит что-либо во время экспедиции.

К этому времени поднялся легкий ветерок, и Крок сказал, что надо им воспользоваться и отправляться в путь. Все поднялись на борт, и вскоре корабли уже плыли на всех парусах через пролив Катетгат. Орм оглянулся на море и сказал, что Кроку повезло, потому что в это время года у них дома осталось мало кораблей, а то бы, насколько он знает свою мать, она уже сейчас догоняла бы их, а вместе с нею — половина всех жителей Мунда.

Затем он промыл рану у себя на голове и смыл засохшую кровь с волос, а Крок сказал, что шрам на лбу хорошо будет показывать женщинам. Тем временем Токе достал старый кожаный шлем с металлическими нашивками. Он сказал, что по нынешним временам это — не слишком хороший шлем, но он нашел его у вендов, и ничего лучше у него нет. Против топора такой шлем не очень-то поможет, но все равно это лучше, чем ничего. Орм примерил шлем и нашел, что он будет ему впору, как только пройдет опухоль. Орм поблагодарил Токе, и они поняли, что будут друзьями.

Они обогнули мыс Скоу при хорошем попутном ветре и там, по древней традиции, принесли жертву Агиру и всей его родне, отдав им овечье мясо, сало и пиво, и после этого за ними еще долго следовали кричащие чайки, что было воспринято, как доброе обозначение. Они плыли вдоль побережья Ютанлии, где земля была пустынной, а на песке часто можно было видеть остовы погибших кораблей. Далее на юг они высадились на двух небольших островах, где нашли воду и пищу, но больше ничего. Они продолжали плыть вдоль берега, большую часть времени при благоприятном ветре, помогавшем им, так что люди радовались, что представилась возможность отдохнуть от тяжелого труда постоянной гребли. Токе сказал, что, вероятно, Орму везет и с погодой, помимо обычного везения, а везение с погодой — это одна из самых лучших форм везения, которую только может иметь человек, поэтому, если это в самом деле так, Орм, может надеяться на будущее процветание. Орм подумал, что, возможно, Токе и прав, но Крок не хотел соглашаться с ними в этом вопросе.

— Это я приношу вам хорошую погоду, — сказал он, — потому что хорошая погода и попутный ветер сопровождают нас с самого начала, задолго до того, как Орм присоединился к нам. Вообще-то, если бы я не знал, что на мое везение с погодой можно положиться, я бы не отправился в это путешествие. Но везение Орма тоже хорошее, хотя и не такое, как мое. А чем больше на корабле везучих — тем лучше для нас всех.

Берсе Мудрый согласился, сказав, что невезучим людям приходится нести на себе самое тяжкое бремя, потому что человек может победить человека, оружие может победить оружие, против богов можно принести жертву, а против колдовства — применить магию; но невезению никто не может ничего противопоставить.

Токе сказал, что он, со своей стороны, не знает, насколько он удачлив, кроме того, что ему всегда очень везет в рыбной ловле. Он всегда довольно успешно противостоит людям, с которыми ссорится, но это может быть скорее результатом его силы и умения, а не везения.

— Но что меня беспокоит, так это то, повезет ли нам в этой экспедиции с золотом и с женщинами, потому что я много слышал о всех тех прекрасных вещах, которые можно найти на Западе, а мне уже начинает казаться, что я очень давно не дотрагивался до золотого кольца и до женщины. Даже если мы найдем только серебро вместо золота и не найдем принцесс, о которых рассказывал Берсе, но найдем простых франкских домохозяек, я не стану жаловаться, я не суетный человек.

Крок сказал, что Токе придется немного потерпеть, как бы сильно ему не хотелось того и другого. И Токе согласился, что определенно похоже на то, что придется подождать, потому что, по его мнению, ни золото, ни женщины не растут на деревьях в этих краях.

Они проплывали вдоль берегов, на которых ничего не было видно, кроме песка и болот и иногда рыбацких хижин. Затем они проплыли вдоль мысов, на которых стояли высокие кресты, и поняли, что попали в страну христиан, к франкским берегам. Бывшие среди них мудрые люди, которые много повидали на своем веку, знали, что эти кресты были установлены великим императором Карлом, отцом всех императоров, чтобы отгонять морских разбойников с Севера от его земли, но боги Севера оказались сильнее его бога. Они зашли в бухту, спасаясь от угрожающих порывов ветра и для того, чтобы отдохнуть ночью, и увидели воду такую соленую и зеленую, какую никто из них раньше не видел. Не было видно ни кораблей, ни людей, только кое-где виднелись остатки каких-то старых построек. Многочисленные деревни процветали в этих местах до того, как здесь появились первые норманны, но все уже давно было разграблено и пришло в упадок, поэтому теперь приходилось забираться далеко на Юг, чтобы найти что-либо стоящее.

Они подошли к тому месту, где море сужалось между Англией и материком, среди них пошли разговоры о том, чтобы по-

вернуть к английским берегам. Это было вызвано тем, что им было известно о недавней смерти короля Эдгара, которого заменили на троне малолетние сыновья, что делало эту страну весьма привлекательной для викингов. Но Крок и Берсе и некоторые другие среди умнейших из них придерживались того мнения, что все-таки страна франков лучше, если только доехать достаточно далеко на Юг, поскольку король франков и император германский воевали друг с другом из-за разногласий относительно границ, а прибрежные районы воюющих стран всегда представляли собой хорошую добычу для норманнов.

Итак, они продолжали продвигаться вдоль франкского берега, но тут уже они отошли подальше от берега и внимательно осматривались по сторонам, потому что находились уже в тех местах, где некоторые районы были отвоеваны норманнами у короля франков. Здесь уже древние кресты постоянно можно было видеть на мысах и в устьях рек, но еще чаще встречались остроконечные колья с надетыми на них бородатыми головами людей, что свидетельствовало о том, что правители этой страны не желают видеть у своих берегов мореплавателей, пришедших с их бывшей родины, из северных мест. Крок и его люди считали, что это показывало плохое гостеприимство со стороны тех, кто сейчас наслаждался плодами этой земли, но, говорили они, только этого и можно было ожидать от уроженцев Скании и Сьялланда. Они спросили Орма, нет ли у него родичей в этих местах. Орм ответил, что нет, насколько ему известно, поскольку его родственники всегда плавали в Ирландию, но он будет иметь в виду, когда вернется домой, эту идею надевать головы на колья, потому что это будут прекрасные пугала для защиты его овец. Все посмеялись над этими словами и подумали, что он неплохо умеет постоять за себя.

Они устроили засаду в устье очной из рек и захватили несколько рыбацких лодок, но мало чего нашли в них ценного и не смогли добиться от рыбаков ответа на вопрос, где здесь поблизости находятся богатые деревни. После того, как они убили пару рыбаков и все-таки не смогли получить внятного ответа, остальных отпустили, поскольку те имели совсем жалкий вид и не могли пригодиться в качестве гребцов или быть проданы за хорошую цену в рабство. Еще не один раз после этого высаживались они на берег под покровом ночи, но мало чего добились, так как люди жили здесь в больших и хорошо охраняемых деревнях, и несколько раз им пришлось спешно отступать к своим кораблям, чтобы не быть окруженными и убитыми. Они надеялись, что скоро доплывут до конца тех мест, где правили норманны.

Однажды вечером им повстречались четыре длинных ладьи, которые шли с юга; они выглядели тяжело нагруженными, и Крок приказал своим кораблям приблизиться к ним и посмотреть, много ли на них воинов. Стояла тихая погода, и они медленно гребли по направлению друг к другу. Чужаки укрепили длинный Щит на вершине мачты, конец щита был повернут вверх, в знак того, что они имеют мирные намерения, а люди Крока подошли к ним на расстояние броска копья в то время, как предводители пытались оценить силы друг друга. Чужаки сказали, что они из Ютландии и возвращаются домой после долгого путешествия. Прошлым летом они пограбили в Бретани на семи кораблях, а потом послали их дальше на Юг, затем они перезимовали на острове в устье реки Луары и поднялись вверх по течению, но жестокая болезнь разразилась среди них, и сейчас они идут домой на тех кораблях, которые смогли укомплектовать гребцами. На вопрос о том, сколько они захватили, те ответили, что умный моряк никогда не считает добычи до того, как благополучно доберется до дома, но они могут сказать (поскольку при этой встрече считают себя достаточно сильными, чтобы сохранить свое богатство), что не жалуются на количество добычи. Всегда существует возможность плохого сезона, особенно по сравнению с тем, как шли дела в старые времена, и все зависит от того, насколько далеко на Юг удастся проникнуть, но каждый, кто попадет в ту часть Бретани, которая пока избежала разграбления, сможет найти хорошую награду за свои труды.

Крок спросил, нет ли у них какого-нибудь вина или хорошего пива, которое они хотели бы обменять на свинину или сушеную рыбу. Тем временем он старался подойти поближе к чужим кораблям, так как испытывал сильный соблазн напасть на них врасплох и таким образом одним махом получить хорошую добычу. Но капитан ютландцев сразу же повернул свой корабль таким образом, чтобы перегородить им путь, повернувшись к ним носом, и ответил, что предпочитает сохранить вино и пиво для себя.

— Но обязательно подходите поближе,— сказал он Кроку,— если хотите еще чего-нибудь попробовать.

Крок взвесил копьё в своей руке и, по-видимому, колебался, какой же путь выбрать, но неожиданно на одном из ютландских кораблей возникла какая-то суматоха. Можно было видеть, как двое человек дрались друг с другом возле планшира. Затем они свалились в воду, продолжая сжимать друг друга в объятиях. Оба утонули, и один из них сразу пошел на дно, а дру-

гой всплыл на поверхность на удалении от корабля, но вновь ушел под воду, когда один из ютландцев бросил в него копье. На ютландском корабле было много шума, но когда люди Крока спросили, в чем дело, они не получили ответа. Начали спускаться сумерки, и после коротких переговоров чужаки вновь поплыли вперед, до того, как Крок успел принять решение, стоит или нет ввязываться в драку. Затем Токе, сидевший у весла, по левому борту корабля, сразу же за Ормом, крикнул Кроку:

— Пойди-ка посмотри! Мое везение рыболова становится все сильнее!

Одна рука ухватила за весло Токе, вторая — за весло Орма, а между рук в воде плавало лицо, глаза на этом лице уставились на корабль. Это лицо было

большеглазым и очень бледным, с черными волосами и черной бородой.

— Смелый парень и хороший пловец, — сказал кто-то. — Он проплыл под нашим кораблем, чтобы сбежать от ютландцев.

— И к тому же — умный человек, — сказал другой, — так как понимает, что мы лучше, чем они.

Третий сказал:

— Он черен как тролль и бледен как труп и не похож на человека, который приносит удачу. Опасно брать такого на корабль.

Они обсуждали преимущества и недостатки того, чтобы взять человека на борт, некоторые кричали человеку в воде, задавая ему вопросы, но он лежал без движения, крепко вцепившись в весла, моргая глазами и раскачиваясь на волнах. Наконец Крок приказал поднять его на борт; его всегда можно будет убить позднее, объяснил он тем, кто был против этой идеи, если ход событий покажет, что будет лучше поступить именно так.

После этого Токе и Орм втянули свои весла и подняли человека на борт корабля; у него была желтая кожа и крепкая фигура, он был обнажен до пояса, только несколько лоскутьев материи прикрывали его наготу. Он шатался на ногах и еле мог стоять, но сжал кулак и погрозил им ютландскому кораблю, который уже ушел на большое расстояние, затем человек сплюнул и заскрежетал зубами. Он что-то прокричал и упал, растянувшись во весь рост, когда судно качнулось, но быстро вновь вскочил на ноги, ударил себя в грудь и протянул руки к небу, затем закричал уже Другим голосом, но никто не мог понять слов. Когда Орм был уже стариком и рассказывал обо всем, что с ним приключилось, он всегда говорил, что никогда не слышал такого странного зубовного скрежета и такого жа-

лобного и звонкого голоса, как тот голос, которым этот человек обращался к небу.

Они все проявили к нему любопытство и стали расспрашивать, кто он такой, и что с ним приключилось. Он понимал кое-что из того, что они говорили и был способен отвечать на ломаном скандинавском языке, они подумали, что он сказал, что он еврей и не любит грести по субботам, поэтому он ненавидит людей, от которых сбежал; но это было непонятно для них, так что некоторые подумали, что он сумасшедший. Ему дали еды и воды, и он жадно съел бобы и рыбу, но когда ему предложили соленую свинину, он отказался от нее с отвращением. Крок сказал, что он подходит в качестве гребца, а когда путешествие будет завершено, они смогут продать его за хорошие деньги; тем временем Берсе, при помощи своего мудрого ума, может попытаться понять, что же сказал чужеземец, и выяснить, имеется ли у него какая-либо полезная для них информация о тех землях, где он побывал.

Итак, в течение нескольких следующих дней Берсе подолгу сидел и разговаривал с чужеземцем, и у них неплохо получалась беседа. Берсе был спокойным и терпеливым человеком, большим любителем поесть и умелым бардом, который пошел в море, чтобы быть подальше от сварливой жены; он был умен и очень хитер и понемногу составил картину того, о чем говорил чужеземец. Об этом он и рассказал Кроку и другим.

— Он не сумасшедший, — сказал Берсе, — хотя и кажется таковым, и он не ютландец, как мы подумали. Он говорит, что он — еврей. Это — такие люди с Востока, которые убили человека, почитаемого христианами в качестве своего бога. Это убийство произошло очень давно, но христиане до сих пор испытывают сильную ненависть к евреям из-за этого, любят убивать их и не принимают за них никакого выкупа и не оказывают им снисхождения. По этой причине большинство евреев живет в странах, которыми правит халиф Кордовский, поскольку в его халифате человека, которого они убили, не считают богом.

Берсе добавил, что и раньше слышал кое-что на эту тему, и многие другие сказали также, что до них доходили слухи, касающиеся этого. Орм сказал, что он слышал, что того человека прибили гвоздями к дереву, как сыновья Рагнара Волосатого поступили в старые времена с главным священнослужителем Англии. Но как они могут продолжать считать его богом после того, как он был убит евреями, никто из них понять не мог, поскольку очевидно, что ни один настоящий бог не мо-

жет быть убит людьми. Затем Берсе продолжал рассказывать им, что еще он смог понять из рассказа еврея:

— Он был рабом ютландцев в течение года и перенес многочисленные страдания из-за того, что отказывался грести по субботам: потому что бог евреев очень сердится на еврея, который что-либо делает в этот день. Но, ютландцы не могли этого понять, хотя он и часто пытался объяснить им это, они били его и не давали ему есть, когда он отказывался грести. Пока он был у них, то смог немного выучить их язык, но когда он говорит о них, то ругает их на своем языке, поскольку не знает достаточно для этого слов в нашем. Он говорит, что часто плакал, пока был у них, и взывал к своему богу о помощи; потом, когда он увидел наш приближавшийся корабль, то понял, что его мольбы услышаны. Когда он выпрыгивал за борт, то прихватил с собой человека, часто избивавшего его. Он молил своего бога стать ему защитой и не дать спастись другому человеку. Поэтому, говорит он ни одно копье не попало в него и у него оказалось достаточно сил, чтобы поднырнуть под наше судно. И настолько всемогущим является имя его бога, что он отказывается назвать его мне, как бы я ни уговаривал его сделать это. Вот что он поведал мне о ютландцах и о своем побеге от них, и он может еще что-то рассказать нам, что, как он думает, будет нам полезно. Но многое из того, что он говорит об этом, я не до конца понимаю.

Всем было интересно узнать, что еще может сказать еврей полезного для них, и наконец Берсе удалось понять суть.

— Он говорит,— сказал им Берсе,— что в своей стране он является богатым человеком, а страна его находится в пределах владений халифа Кордовского. Зовут его Соломон, он — серебряных дел мастер, и кроме того, очевидно, хороший поэт. Он был захвачен в плен христианским предводителем, который, пришел с Севера и грабил местность, где он живет. Этот вождь заставил его послать за большой суммой денег для выкупа, а потом продал его работорговцу, потому что христиане не любят держать своего слова, данного евреям, из-за того что они убили их бога. Работорговец продал его на море торговцам, у которых он и был схвачен ютландцами, и ему очень не повезло, поскольку его стали сразу же заставлять грести в субботу. Сейчас он ненавидит ютландцев лютой ненавистью, но Даже она не может сравниться с ненавистью, которую он испытывает к тому христианскому вождю, который предал его. Этот вождь очень богат и живет всего в одном дне пути от моря. Он говорит, что с радостью покажет нам дорогу туда, чтобы мы смогли отнять у того вождя все, чем он вла-

дее, сжечь его дом, вырвать ему глаза и пустить голого бродить среди камней и деревьев. Он говорит, что богатства там хватит нам всем.

Все были согласны с тем, что таких добрых вестей они уже давно не слышали. А Соломон, который сидел возле Берсе в то время, как тот пересказывал его рассказ, и следил по мере возможности за его словами, вскочил на ноги, громко закричал и с радостным выражением, на лице упал на палубу во весь рост перед Кроком, взял в рот клочок своей бороды и пожевал ее, потом схватил ногу Крока и поставил ее себе на шею, все это время непрерывно бормоча что-то, как пьяный, и никто не мог разобрать его слов. Когда он немного успокоился, то стал подбирать слова из тех, которые он знал на их языке. Он сказал, что хочет верно служить Кроку и его людям до тех пор, пока они не захватят эти богатства и он не отомстит, но попросил, чтобы ему определенно обещали, что он сам сможет вырвать глаза у христианского вождя. И Крок, и Берсе согласились, что это разумная просьба.

На всех трех кораблях люди стали оживленно обсуждать все услышанное, и это привело их в приподнятое настроение. Было сказано, что чужеземец, может быть, сам по себе и не очень удачлив, если судить по тому, что с ним произошло, но им он может принести удачу, а Токе заявил, что никогда еще не вылавливал рыбы лучше, чем эта. Они относились к еврею как к другу, собрали для него кое-какую одежду и дали ему выпить пива, хотя у них оставалось его уже не так много. Страна, в которую он хотел проводить их, называлась Леон, и они примерно представляли себе, где она находится: справа от них, между страной франков и землями Кордовского халифа, примерно в, пяти днях хорошего плавания на юг от Бретанского мыса, который они могли сейчас видеть. Они вновь принесли жертву морским богам, были вознаграждены попутным ветром и поплыли в открытое море.

Глава 4. О том, как люди Крока пришли в королевство РАМИРО и как они нанесли успешный визит

Когда Орм состарился и рассказывал о приключениях, случившихся с ним, он всегда говорил, что не может жаловаться на то время, что он провел на службе у Крока, хотя он и не по своей воле присоединился к его отряду. Удар по голове, полученный им, беспокоил его всего лишь несколько дней, а с

членами отряда он ладил хорошо, так что вскоре они перестали относиться к нему как к пленнику. Они с благодарностью вспоминали тех добрых овец, которых они получили от него, а у него были и другие качества, делавшие его хорошим моряком. Он знал не меньше баллад, чем Берсе, и научился от матери рассказывать их с интонациями бардов, кроме этого он умел рассказывать вымышленные истории так хитро, что все волей-неволей верили им, хотя он и признавал, что именно в этом умении он уступал Токе. И так, его ценили как хорошего товарища и умного человека, помогавшего скоротать долгие часы в течение тех дней, когда попутный ветер дул им в паруса, и они отдыхали от весел.

Некоторые моряки были недовольны тем, что Крок покинул Бретань, не попытавшись вначале пополнить запасы продовольствия свежим мясом, поскольку имевшееся у них на борту начинало протухать. Свинина была прогорклой, вяленая треска заплесневела, мясо протухло, хлеб стал червивым, а вода прокисла; но Крок и те члены отряда, которые ранее уже принимали участие в подобных плаваниях, утверждали, что это настолько хорошее питание, насколько только может рассчитывать моряк. Орм съедал свою долю с аппетитом, хотя, когда он это делал, обычно рассказывал другим о деликатесах, к которым привык дома. Берсе заметил, что по его мнению в этом и состоит мудрая милость богов, что, когда человек находится в море, то может есть и наслаждаться такой пищей, которую дома он не предложил бы своим рабам или собакам, а только свиньям, потому что, если бы было не так, то Долгие морские путешествия были бы особенно невыносимы.

Токе сказал, что больше всего его волнует то, что пиво уже подходит к концу. Он не был, как он уверил всех, привередливым человеком, и считал, что может съесть большинство имеющихся вещей, включая и свои башмаки из тюленьей кожи, но только в том случае, если имеется хорошее пиво, чтобы запивать все это. Было бы ужасно, сказал он, представить себе жизнь без пива как на суше, так и на море. Он задавал множество вопросов еврею относительно качества пива стране, в которую они направлялись, однако не мог получить от него какой-либо точной информации на этот счет. Он рассказывал другим истории о больших пирах и грандиозных попойках, в которых он принимал участие, и очень сожалел, что в тех случаях не выпил еще больше.

В их вторую ночь в море поднялся сильный ветер, поднявший высокие волны, и они были рады тому, что небо оставалось

лось чистым, поскольку определяли направление по звездам. Крок засомневался, стоит ли выходить в открытое море, но самые бывалые мореходы среди них сказали, что как бы далеко на юг ты не плыл, слева от тебя всегда будет земля, кроме разве что бухты Ньорва, откуда воды ведут в Рим, стоящий в центре мира. У тех, кто плывал из Норвегии в Исландию, сказал Берсе, была более трудная задача, поскольку там не было земли, у берегов которой можно найти убежище, но только открытое море, бесконечное с каждой стороны.

Еврей знал все о звездах и заявил, что он — умелый навигатор, но в данном случае от него было мало пользы, потому что его звезды имели другие названия, чем те, которыми пользовались они, а кроме этого он болел морской болезнью. Орм тоже сильно страдал, и они с Соломоном вместе свешивались с борта у носа корабля в великих мучениях, думая, что сейчас умрут. Еврей самым жалостным образом скулил что-то на своем языке в перерывах между приступами рвоты, Орм велел ему замолчать, но тот ответил, что взывает к своему богу, который находится в штормовом ветре. Тогда Орм схватил его за воротник и сказал, что, хотя он и сам чувствует себя очень плохо, все же у него хватит сил, чтобы выбросить его за борт, если он крикнет еще хоть один раз, потому что ветер и так достаточно силен, без того, чтобы он призывал своего бога еще ближе.

Это успокоило Соломона, а к утру ветер утих и море успокоилось, им обоим полегло. Соломон совсем позеленел лицом, но дружески улыбался Орму и, казалось, совсем не обижался на его поведение прошлой ночью. Он указал пальцем на всходившее далеко за морем солнце. Он подыскал известные уже ему слова и сказал, что это — красные крылья утра, и что там живет его Бог. Орм ответил, что его Бог кажется ему такого рода божеством, от которого лучше находиться на разумном расстоянии.

Позднее, в то же утро, они различили вдалеке от себя горы. Подплыв к берегу, они столкнулись с трудностями в поисках подходящей укрытой бухты, в которой можно было бы бросить якорь. Еврей сказал, что эта часть побережья не знакома ему. Они шли на берег и сразу же вступили в конфликт с обитателями здешних мест, которых было очень много. Но местные вскоре убежали, и люди Крока разграбили их хижины, вернувшись на корабль с несколькими козами, а также с другой пищей и с одним-двумя пленниками. Разожгли костры, и все радовались тому, что удалось достичь земли без каких-

либо крупных неприятностей и что можно вновь ощутить во рту приятный вкус жареного мяса. Токе все обыскал в поисках пива, но найти ему удалось только несколько бурдюков вина, которое было настолько терпким и кислым, что, по его словам, он чувствовал, как содрогается его желудок, когда он пил его. Поскольку он не мог выпить всего вина, то отдал другим то, что осталось, и весь остаток вечера просидел в одиночестве, печально напевая самому себе, а по бороде у него текли слезы. Берне предупредил остальных, чтобы его не беспокоили, потому что он становился опасен, когда напивался до такой стадии, что начинал плакать.

Соломон допросил пленников и сказал викингам, что они находятся в стране графа Кастильского, а то место, куда он хочет их привести, находится далеко на западе. Крок сказал, что придется подождать перемены ветра, чтобы было легче двигаться в том направлении, а пока что им остается только есть и отдыхать. Но, добавил он, ситуация может осложниться, если значительные силы противника атакуют их здесь в то время, как ветер дует с моря, или вражеские корабли блокируют им выход из бухты. Но Соломон, по мере своих возможностей, объяснил, что такая опасность невелика, поскольку у графа Кастильского почти нет кораблей в море, и ему потребуется значительное время, чтобы собрать достаточные силы для того, чтобы причинить им вред. В прежние времена, рассказал он им, этот граф Кастильский был сильным правителем, но сейчас он вынужден преклонять колено перед маврским халифом в Кордове и даже платит ему дань, потому что, за исключением только императора Германского Отто и императора Константинопольского Василия, нет в мире монарха столь же сильного, как халиф Кордовский. При этих словах все громко рассмеялись, сказав, что еврей несомненно говорит то, что он считает правдой, но он, видимо, мало осведомлен относительно данного вопроса. Неужели, спросили они его, он никогда раньше не слышал про короля Харальда Датского, и разве он не знает, что нет в мире короля столь же могущественного, как он?

Орм был все еще слаб после своей морской болезни и не хотел есть, что заставило его забеспокоиться, не заболел ли он чем-нибудь более серьезным, потому что он всегда волновался за свое здоровье. Вскоре он свернулся калачиком подле одного из костров и глубоко заснул, но ночью, когда весь лагерь затих, пришел Токе и разбудил его. По щекам Токе текли слезы, он заявил, что Орм — его единственный друг, и ему хоте-

лось бы, если можно, спеть ему одну песню, которую он только что вспомнил. В песне пелось о двух медведях, объяснил он, он услышал ее еще ребенком от своей матери, и это — самая красивая песня, какую он когда-либо слышал. Сказав это, он сел на землю рядом с Ормом, вытер слезы и начал петь. Орм имел одну особенность, она состояла, в том, что ему трудно было быть общительным, когда его только что разбудили после крепкого сна. Однако он не сказал ни одного слова в знак протеста, а просто перевернулся на другой бок и попытался заснуть снова.

Токе не смог вспомнить большую часть своей песни, и это вновь расстроило его. Он пожаловался на то, что весь вечер просидел в одиночестве, и никто не пришел составить ему компанию. Особенно больно ему от того, что Орм ни разу даже не взглянул по-дружески в его сторону, чтобы подбодрить его, а он всегда считал Орма своим лучшим другом, с того самого момента, как они встретились. Но теперь он понимает, что Орм — всего-навсего никчемный мерзавец, как и все жители Скании; а когда такой щенок, как он, забывает, как надо себя вести, то единственным лекарством против этого может быть только хорошая взбучка.

С этими словами он вскочил на ноги и стал оглядываться в поисках палки, но Орм, который к этому времени уже совсем проснулся, поднялся и сел на землю. Когда Токе увидел это, он попытался нанести ему удар ногой, однако, как только он поднял ногу для удара, Орм выхватил головешку из костра и бросил ее Токе в лицо. Токе не успел нанести удар и упал на спину, но через мгновение уже снова был на ногах. Лицо его побледнело, он был ослеплен яростью. Орм также вскочил на ноги, теперь они стояли друг против друга. Ярко светила луна, но в глазах Орма вспыхивали опасные красные огоньки, когда он в бешенстве бросился на Токе, который попытался выхватить меч. Меч Орма лежал в стороне, и у него не было времени поднять его. Токе был крупный и сильный человек, широкий в кости и с огромными руками, Орм же еще не дорос до своей полной силы, хотя уже и сейчас он был достаточно силен для того, чтобы справиться с большинством мужчин. Он обхватил шею Токе одной рукой а другой — схватил правую руку Токе, чтобы не дать тому вытащить меч, но Токе крепко вцепился в Орма, неожиданным рывком приподнял его от земли и перебросил через голову, как пушинку. Орму, однако, удалось сохранить захват, хотя чувство у него было такое, будто позвоночник его может сломаться в любую минуту, и вы-

вернуться, оперевшись одной ногой Токе в поясницу. Затем он стал заваливаться на спину, увлекая за собой Токе, и, собрав воедино все силы, сумел перевернуться, так что Токе оказался под ним, лицом уткнувшись в землю. К этому времени еще несколько членов отряда были разбужены шумом, и Берсе бежал к ним с веревкой, бормоча, что ничего другого и нельзя ожидать, если позволить Токе так нализаться. Они крепко связали его по рукам и ногам, хотя он боролся изо всех сил, чтобы помешать им. Однако, через некоторое время он успокоился и вскоре стал кричать Орму, что вспомнил всю песню до конца. Он начал было петь, но Берсе облил его водой, после чего тот заснул.

Проснувшись на следующее утро, Токе стал яростно ругаться, обнаружив, что связан. Он не мог вспомнить ничего из того, что произошло. Когда ему рассказали, он стал мучиться угрызениями совести за свое поведение и объяснил, что большая его беда состоит в том, что выпивка иногда делает его трудным в общении. Пиво, сказал он, полностью изменяет его, а сейчас выяснилось, что и вино оказывает на него такое же действие. Он стал обеспокоенно спрашивать, не считает ли Орм теперь его своим врагом, из-за его поведения прошедшей ночью. Орм ответил, что нет, Добавив, что с удовольствием продолжит схватку в любое удобное для Токе время. Но он попросил Токе пообещать ему одну вещь, а именно — воздерживаться от пения, поскольку скрежет козодоя и карканье вороны на крыше сарая являются намного более мелодичными, чем его ночные серенады. Токе рассмеялся и пообещал, что постарается исправить свои таланты в этом отношении, поскольку он вообще-то добрый человек, за исключением тех случаев, когда пиво или вино портят его характер.

Все подумали, что Орм замечательно вышел из положения, особенно если принять во внимание его молодость, поскольку очень немногие из тех, кто попадался Токе под руку, когда он достигал слезливой стадии, оставались невредимыми. Так что Орм вырос в глазах своих товарищей, да и в своих собственных тоже. После этого случая его стали называть Рыжий Орм, не только из-за цвета волос, но также и потому, что он показал себя человеком темпераментным, с которым лучше не связываться без серьезных на то оснований.

Через несколько дней вновь задул попутный ветер, и они вышли в море. Они держались довольно далеко от берега, чтобы избежать опасных течений, и плыли строго на Запад вдоль побережья королевства Рамиро до тех пор, пока не обогнули

мыс. После этого они стали грести на юг вдоль крутых и изрезанных берегов, пройдя через небольшой архипелаг, который напомнил им об их родных островах у берегов Блекинге. Наконец они достигли устья той реки, которую все ждал еврей. Они вошли в реку во время прилива и гребли вверх по течению до тех пор, пока путь им не преградила запруда. Здесь они сошли на берег и стали держать совет. Соломон рассказал о пути, который им предстояло пройти, сказав, что смелые люди могут пройти всего за один день до крепости, где жил тот, которому он стремился отомстить. Это был человек по имени Ордоно, один из маркграфов Рамиро, самый большой злодей, мерзавец и бандит (по словам Соломона) во всех христианских землях.

Крок и Берсе тщательно расспрашивали его относительно крепости, выясняя детали о ее укреплениях и местоположении, о том, насколько сильна армия маркграфа, защищающая крепость. Соломон отвечал, что крепость расположена в такой скалистой и пустынной части страны, что армия халифа, состоящая главным образом из кавалерии, никогда не появляется там. Это делает крепость прекрасным убежищем для бандита, и за ее стенами скопились огромные богатства. Стены крепости сложены из дубовых стволов, защищенных земляным валом, который в свою очередь окружен частоколом. Число защитников крепости составляет самое большое двести человек. Соломон считает, что они, вероятно, не слишком бдительно несут вахту, поскольку крепость имеет такое удаленное расположение. А вообще-то, большинство солдат маркграфа часто отсутствует, занимаясь грабежами на юге страны.

Крок заявил, что численность защитников крепости беспокоит его меньше, чем земляной вал и частокол, которые могут помешать внезапной атаке. Некоторые из членов отряда сочли, что было бы не трудно поджечь частокол, но Берсе напомнил им о том, что при этом может загореться и вся крепость, а в этом случае им мало что достанется от тех богатств, которые в ней находятся. В конце концов они решили довериться своей удаче и определить, какому плану следовать уже когда достигнут цели. Было решено оставить сорок человек на борту кораблей, а остальным отправляться в путь, когда наступит вечер, поскольку станет прохладнее. После этого тянули жребий для определения тех, кто останется на кораблях, потому что все хотели быть на месте, когда начнется разграбление крепости.

Они осматривали свое оружие и спали весь день в тени дубовой рощи. Затем они подкрепились едой и водой, и, когда

наступил вечер, отряд выступил в путь — численность его составляла сто тридцать шесть человек. Во главе отряда шел Крок вместе с евреем и Берсе, а остальные шли вслед за ними. Некоторые воины были одеты в кольчуги, остальные — в кожаные доспехи. Большинство было вооружено мечами и копьями, хотя некоторые несли топоры, у каждого имелся щит и шлем. Орм шел рядом с Токе, который сказал, что этот поход — хорошая возможность поразиться перед схваткой после столь долгого сидения на скамьях для гребцов.

Они шли по бездорожью, где не было никаких признаков человеческого существования, поскольку эти приграничные районы между Христианским и Андалузским королевствами давно уже обезлюдели. Они придерживались северного берега реки, переправляясь через многочисленные притоки. Тем временем сгустилась темнота, и после нескольких часов хода они остановились, чтобы отдохнуть и дожидаться появления луны. Затем они повернули на север вдоль долины, быстро продвигаясь по ровной местности. Соломон оказался хорошим проводником, и еще до того, как небо стало сереть, они достигли подходов к крепости. Здесь они спрятались в зарослях кустарника и снова немного отдохнули, всматриваясь вперед, стараясь что-нибудь разглядеть в неярком свете луны. Вид ограды несколько расстроил их, поскольку она состояла из толстых стволов деревьев, более чем в два раза превышающих рост человека, а огромные ворота, укрепленные сверху, выглядели особенно внушительно.

Крок отметил, что поджечь такую ограду будет нелегкой задачей, добавив, что он в любом случае предпочел бы штурмовать крепость без применения огня, если это вообще окажется возможным; но может статься, что это будет единственный способ, в этом случае им надо будет сложить хворост в кучи вдоль ограды и поджечь его, надеясь на то, что не загорится вся крепость. Он спросил Берсе, может ли тот выдвинуть какие-либо лучшие предложения, но тот покачал головой и, вздохнув, сказал, что у него нет альтернативных предложений, хотя ему тоже не хотелось бы использовать поджог. Не мог ничего лучше предложить и Соломон, он пробормотал, что будет рад увидеть, как сгорят неверные, хотя он надеется, что представится более удовлетворительный способ отмщения.

В этом месте дискуссии Токе подполз к Кроку и Берсе и спросил, чем вызвана задержка, потому что его уже начинала мучить жажда, и чем скорее они будут штурмовать крепость,

тем скорее он сможет найти себе что-нибудь попить. Крок объяснил ему, что они сейчас рассуждают о том, как лучше попасть в крепость. На это Токе ответил, что если ему дадут пять копий, то он надеется, что сможет показать им, что способен на большее, чем просто грести и пить пиво. Другие спросили его, какой план он имеет в виду, но он отвечал только, что, если все пойдет хорошо, он обеспечит им проход в крепость, только владельцы копий должны быть готовы к тому, чтобы заменить им древки, когда он вернет их им. Берсе, который давно знал Токе, посоветовал, чтобы ему предоставили такую возможность. Принесли копьа, и Токе обрезал их древки в тех местах, где железо касалось дерева, так что остались небольшие огрызки при лезвии. После этого он объявил, что готов начинать и вместе с Кроком стал тихо подкрадываться к ограде, укрываясь за камнями и кустами. Вместе с ними следовала небольшая группа вооруженных копьями людей. Они слышали, как несколько петухов прокукарекали в крепости, но помимо этого ночь была абсолютно спокойной.

Они подобрались к ограде, недалеко от ворот, затем Токе подполз к подножию и воткнул одно из своих копий на высоте примерно метра от земли между двумя стволами, приложив все свои силы, чтобы оно крепко сидело. Еще выше он вновь нашел щель и воткнул второе копье, потом, когда он бесшумно убедился в том, что оба копьа выдержат вес, он осторожно поднялся по ним, как по ступенькам, и воткнул третье еще выше. Но находясь в таком положении, он обнаружил, что не сможет закрепить его без шума. Крок, который к этому времени сообразил, что задумал Токе, знаком показал ему спускаться вниз, прошептав, что теперь им придется немного постучать молотком, даже рискуя при этом разбудить некоторых спящих обитателей крепости. После этого, держа в руке два оставшихся копьа, он занял место Токе на тех ступеньках, которые тот уже закрепил, и вбил третье двумя ударами обуха своего топора. Сразу же после этого он вбил также четвертое и пятое копьа, поместив их еще выше и дальше. Как только он загнал в ограду последнее копье, он вскарабкался по ним и попал на вершину ограды.

Как только он сделал это, слышались крики и шум изнутри крепости, и затрубили в рог; но другие викинги быстро последовали за Кроком по лестнице Токе с максимальной ловкостью и присоединились к нему на вершине. Внутри ограды и вдоль нее пролегал деревянный настил, для того чтобы на нем могли стоять лучники. Крок и его люди по-